

Большинство актеров входят не в роль, а в себя. Они просто играют более или менее самого себя. При совпадении получается иной раз вполне блестящая работа. Но представьте себе скульптора, который натурщиком для воплощения Аполлона приглашает самого себя лично. Он так себя видит.

Для меня актер — это человек, который каждый раз обнаруживает себя с удивлением и неутоленным любопытством в неизведанном образе. Не в загримированном облике, а в образе. Вот почему я до изнеможения восхищаюсь Чуриковой, Евстигнеевым, Нееловой, Плятом, Гафтом и сразу двумя Васильевыми — Екатериной и Татьяной. Но даже среди них особое место для меня занимает Саша Калягин, он же — Александр Александрович. Это какой-то кроссворд, в котором каждое слово ведомо неизвестно, но в результате все пересекается и совпадает. И ты чувствуешь себя очень умным, разгадав,

тетка, что на месте куртуазных женщин я брал бы у нее уроки. Ну как он добывает этот кокетливый взгляд? Ну откуда в этом мешковатом мужике эта волнистая грация выдавшей вид женщины? Бесовщина какая-то! Я не был близко знаком с Мэрилин Монро, но Сашина «тетка Чарлея» невыносимо соблазнительна.

Больших мастеров обычно упрекают в творческом эгоизме, в «запросах». Что зачастую и бывает. Но... на репетициях. Они орут, как резаные, когда видят, что актер пришел, не зная текста роли. Они сатанеют, когда партнер не понимает, что и на репетиции надо умирать, как в последнем бою. И вообще они нервничают, когда коллега не знает, что делать с руками — то ли сунуть их в карманы, то ли подбочениться?

Но вот мастер выходит на сцену или входит в кадр... И тут...

Один из самых ансамблевых фильмов нашего кино — «Неоконченная пьеса для механического пианино». Такого созвездия, включая режиссера и художника, пожалуй, и не припомню. Я был в восхищении от этого фильма. Потом посмотрел второй раз,

Багратион на флешах. Спасибо ему за то большое.

И вот спектакль. На сцену выходит человек. Никакого грима, никаких пальцев в проймах жилета. И никакого картавого голоса. Он просто молчит. Невыносимо долго молчит. Он бродит по кабинету, дотрагиваясь до привычных предметов обстановки завершающейся жизни. Он пришел с нею, с жизнью, проститься. Возможно, я тогда это додумывал, но мне казалось, что человек пришел не только с нею, жизнью, проститься, но и, может быть, получить от нее прощение.

Дело зрителей, как относиться к Ленину и каким его видеть, но это была феноменальная работа артиста.

Я, пожалуй, на этом приторможу, поскольку рецензия не входит в мои намерения, да и в мои возможности тоже. Я просто благодарный зритель и человек, который очень любит Сашу.

Я грустно сожалею о том, что в

МОЙ САМЫЙ ЛЮБИМЫЙ АРТИСТ

Вообще-то так не бывает. Но я действительно могу назвать своего самого любимого артиста. Это вовсе не значит, что нет корифеев, которые играют лучше него. Возможно, и есть. А уж не хуже-то — наверняка. Но поскольку, как говорят юристы, я субъект, то и мнение у меня субъективное.

как тебе кажется, этот кроссворд, то бишь этого артиста.

Я до сих пор не могу уразуметь, что долгие годы Калягин был в весьма толковых театрах актером на седьмых ролях. У них что, глаз не было или хотя бы ушей? Ну не мог он уже тогда не быть замечательным артистом. Это все-таки не коклюш, который то появляется, то исчезает. Видимо, его постигла изначальная судьба Смоктуновского — он не был похож на других, он не вписывался.

Для меня актер — это человек, который выходит на сцену, еще ничего не говорит, еще ничего как бы не делает, но уже все началось. И я уже вижу того человека, в котором он вышел, уже начинаю его знать. И чем дальше, тем больше понимать.

Я сидел у Калягина на репетициях, я буквально впивался в него взглядом — ну что, что сейчас с ним произошло, как он стал вдруг другим? Чуть прищурил глаз? Руками принял какую-то неуловимую позу? Ну и что? Это даже я могу. Так почему передо мной вдруг сразу совершенно неведомый мне человек? Да, мистика! Понимаете ли, из него как бы вдруг пошел ток, электричество, флюид другого человека. Персонажа. Не хочу задевать что-то самолюбие, но, пожалуй, никому, как Калягину, это недоступно.

Он умеет играть даже то, чего ему играть-то вроде не положено. Ну какой он, к чертям собачьим, Леся Шиндин? Уж к этому-то мужичку-парню он не имеет никакого отношения. Он о нем просто и не знает. Кроме научного термина «пупком чувствует», никакого объяснения тому найти не могу. Но какая поразительно роскошная получилась роль!

Впрочем, не большее отношение он имеет и к тетушке оболтуса Чарлея. Но у почтенного Александра Александровича образовалась такая

третий, по-прежнему получая наслаждение. Но все-таки фильм мне стал казаться несколько декоративным, прохладным. Мне стало казаться, что каждый из актеров необычайно талантливо, но исполняет свою роль.

На Калягина эта тень не пала ни на секунду. Он был партнером превыше всех похвал. А ведь по самому замыслу образа артист мог в одиночку пройти через этот фильм, вытоптав своему персонажу душу, никого вокруг не заметив. Нет, он себе не позволил «соло на механическом пианино». Он — одинокий, ненужный человек среди одиноких, ненужных людей. Он восхитительно партнерски сыграл одиночество в этой густо перенаселенной усадьбе. Эти персонажи ненужности были ему очень нужны. А он — им. Я думаю, прекрасным актерам было очень хорошо в этом фильме с Александром Калягиным.

Может ли все умеющий мастер попасть в творческий тупик? Ему некогда показало, что может. На конкретном случае я (и он тоже) убедился, что Саша может и то, чего вроде бы и не может мочь.

Спектаклю «Так победим!» предшествовала довольно надрывная ситуация. Саша категорически отказывался по разным причинам (и творческим — тоже) играть роль Ленина. Помню, несчастный дворик справа от МХАТа, какая-то очень старая дверь «служебного входа». Холодно, ветрено, конечно, дождь. Саша ежится в джинсовой курточке. И говорит, говорит. Он мне жаловался, как будто именно я мог что-то изменить. Он то переминался с ноги на ногу, то начинал ходить туда-обратно, то стучал кулаками по забору. Он тогда просто извелся и в достаточной мере извел и меня. И я его понимал — ну при чем тут он? Ну хоть немножечко. Мне это даже казалось некоторым режиссерским дивертиissementом — Калягин играет Ленина.

Но мудрый рентгенолог театра Олег Николаевич Ефремов уперся, как

силу служебного положения и места в искусстве Саша стал Александром Александровичем. Нет, ему это уже, к сожалению, идет. Но до чего же ему шло быть Сашей!

Вам когда-нибудь доводилось сталкиваться с наивным обаянием коварного обольстителя? Вполне, если надо, хитроватенький лукавец. Но об его же и наивности иной раз можно просто расшибиться. Сдержанный и очень точный в юморе, он бывает, другого слова и не подберу, «хохотушкой». Я тоже люблю посмеяться, но чтобы у меня по всему лицу текли слезы? Не станем Александра Александровича канонизировать, но больше всего в его жизни мне нравятся, что он женился на Жене Глушенко. Удивительная женщина, какая-то «не нынешняя», и актриса несравненная — и тоже «не нынешняя». Будь наши режиссеры хоть немного «не нынешними», мы имели бы выдающуюся актрису. Впрочем, это неэкзотично: два выдающихся мастера в одной семье — это многовато.

Уже несколько лет мы совсем не видимся. Не то что раздружились, просто суета нас всех растаскивает в разные стороны. Пользуясь слухами — ушел из театра, подался в кинорежиссеры, чего-то за границей творит.

Да нет, я не против. Я даже могу порадоваться за границу. Только очень мне в искусстве не хватает Саши Калягина. Пусть не думает, что откупился роскошной гастролью в «Игроках». Он — должник. Он нам сильно задолжал. И если он не испугит перед нами этот свой грех, я не стану больше никогда называть его Сашей и даже Александром Александровичем.

Я просто строго скажу: «Артист Калягин, ваш выход!» А как же!

Эдуард ГРАФОВ.